

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 33–50.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 33–50.

Интервью / Interview

УДК 101

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50

«МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ»: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ РАН В. А. ЛЕКТОРСКИМ

Владислав Александрович Лекторский
Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, ✉ v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Елена Олеговна Труфанова
Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, ✉ eltrufanova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

Ссылка для цитирования: Лекторский В. А., Труфанова Е. О. «Межкультурный диалог — необходимое условие существования философии»: беседа с академиком РАН В. А. Лекторским // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 33–50. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50>.

Congratulations on the Anniversary!

“INTERCULTURAL DIALOGUE —
IS A NECESSARY CONDITION FOR THE EXISTENCE OF PHILOSOPHY”:
THE CONVERSATION WITH ACADEMICIAN OF RAS V. A. LEKTORSKY

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Elena O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eltrufanova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

For citation: Lektorsky, V.A., Trufanova, E.O. (2022) “Intercultural Dialogue — is a necessary Condition for the existence of Philosophy”: The conversation with Academician of RAS V.A. Lektorsky’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 33–50. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50.

От редакции. 23 августа 2022 года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося отечественного философа, доктора философских наук, академика РАН, члена редакционной коллегии нашего журнала В. А. Лекторского.

Дорогой Владислав Александрович!

Редакция, члены редколлегии, весь коллектив журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» и Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ сердечно поздравляют вас со знатным юбилеем. Желаем вам крепкого здоровья, бодрости духа и неизменных творческих успехов на благо отечественной философии и науки.

Е. О. Труфанова. Владислав Александрович, вам в этом году исполняется 90 лет. Возраст немалый. Вы жили и занимались философией в очень разные периоды истории страны, начиная со сталинских лет (когда вы были студентом философского факультета МГУ), включая хрущевскую оттепель (1960-е годы), так называемый брежневский застой, горбачевскую перестройку, наконец, постсоветские годы. Менялась страна, менялась и философия. Наверняка вам приходилось и приходится пересматривать как собственные идеи, так и представления о вашей дисциплине, ее проблемах, месте в культуре. Как вы сегодня относитесь к своим текстам, изданным несколько десятилетий тому назад?

В. А. Лекторский. Мне повезло. Когда я еще был студентом третьего курса, появились молодые преподаватели, которые предложили новые программы философской работы, связанные с иным пониманием самой дисциплины. Это была своеобразная революция в нашей философии, лидерами которой были Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Я стал учеником Ильенкова, старостой его спецсеминара, посвященного анализу логики «Капитала». В основе его работы была кандидатская диссертация Эвальда Васильевича, защищенная им в сентябре 1953 года, спустя лишь несколько месяцев после смерти Сталина. Это значит, что писалась она еще в годы жизни «отца и учителя». И при этом в диссертации были сформулированы и обоснованы такие идеи, которые не утратили своего значения до сих пор и предвосхитили ряд последующих новаций западной философии науки (например, идеи о теоретической нагруженности эмпирических фактов, о том, что теория — это многоуровневая и развивающаяся система, исходящая из некоего теоретического ядра, и др.). Я проникся идеями Ильенкова, принял его установку на то, что философия должна заниматься проблемами теории познания, теории научного мышления (за что и пострадал — об этой истории мне приходилось писать). С тех пор я занимаюсь этой проблематикой. Конечно, мое понимание многих вопросов существенно изменилось: в 1970-е годы в мире произошла «когнитивная революция» в науках о человеке, трансформировались отношения между философией и специальными когнитивными исследованиями, появились новые подходы в эпистемологии (теории познания) и философии науки, когнитивные и информационные технологии преобразовали всю нашу жизнь и самого человека. Тем не менее я не могу сказать, что мне приходится отказываться от моих старых работ. Я уточняю и развиваю ряд идей, выдвинутых мною еще в 1970–1980-е годы, исследую новую проблематику, которой не было несколько десятилетий назад, расширяю круг своих интересов, увязывая анализ вопросов эпистемологии и философии сознания с тематикой философской антропологии и социальной

В. А. Лекторский в редакции журнала
«Вопросы философии». 2005

философии. Но вот что касается основных идей, например моей книги «Субъект, объект, познание» (1980), то от них я не отказываюсь, хотя, как мне кажется, понимаю и развиваю их лучше, чем делал это раньше.

Что касается моего понимания философии, то оно изменилось. Философия, как я считаю сегодня, это исследование предельных оснований отношения человека и мира. Это значит, что в ее состав входит не только эпистемология (теория познания) и философия науки как ее часть, но и философия сознания, и

онтология, и аксиология, в частности этика. На протяжении большей части XX столетия в разных философских направлениях (неокантианство, аналитическая философия, феноменология и др.) было популярным мнение о том, что философия вступила в постметафизический период. Сегодня ясно, что без метафизики, включающей как онтологию, так и значительную часть философии сознания и эпистемологии, полноценная философия невозможна. Можно говорить о происходящем ренессансе метафизики. Вместе с тем глубочайшие философские проблемы, обсуждаемые на высоком уровне абстракции, приобретают сегодня острейший практический смысл. Ибо сегодня идет трансформация ряда фундаментальных характеристик человека — настоящая антропологическая революция. Но ведь именно философия занимается анализом этих фундаментальных характеристик.

Е. О. Труфанова. В наше время, когда всё принято оценивать прагматически, с точки зрения приносимой конкретной пользы, очень часто философии приходится заниматься самооправданием — объяснять, зачем обществу она нужна. Как бы вы это объяснили человеку, который не занимается философией?

В. А. Лекторский. Каждый человек нуждается в удовлетворении базовых потребностей: пища, защищенность, поддержка других людей, забота о детях и стариках. Над этими базовыми надстраиваются другие, задаваемые культурой, которую можно рассматривать как определенную программу поведения, включающую представления о том, что считать человеческим достоинством, моральной ответственностью, справедливостью. Культура определяет, как человек должен себя вести в тех или иных ситуациях, как устроен мир, что та-

кое хорошо и что такое плохо. При этом в разных культурах эти представления («универсалии культуры», жизненные смыслы) могут различаться.

Возникновение философии в Античности, а затем появление науки из философии и на ее основе было взрывом в традиционной культуре. Ибо возник тип деятельности, который, как казалось, не был направлен на достижение какой-либо пользы. Получение знания было понято как ценность сама по себе.

Задавать вопросы о пользе философии или математики считалось кощунством. В действительности же философия явилась не просто восстанием против принятых культурных смыслов, а попыткой ответа на их кризис, критической рефлексией над ними и предложением новых способов познания мира и жизни в нем. В Античности возникают разные философские, научные исследовательские программы, связанные с именами Платона и Аристотеля, и разные этические программы жизни: эпикуреизм, цинизм, стоицизм. Конечно, философия оказывала непосредственное влияние на сравнительно небольшую группу образованных людей. Основная масса жила обычной жизнью в соответствии с теми предписаниями, которые диктовала традиция, унаследованная от отцов и дедов.

Научная революция XVII века и возникновение экспериментального естествознания были бы невозможны без философского обоснования как принимаемой картины мира, так и практикуемых способов исследования. В XX веке произошел еще ряд революций в разных науках, начиная с математики и физики и кончая психологией и науками о человеке. Все эти революции касались глубинных философских вопросов. Математики стали изучать Канта и Платона, физики — Платона и Аристотеля, психологи — Декарта и Спинозу. Один из главных теоретиков современной когнитивной науки Дж. Фодор однажды сказал, что все хорошие идеи появляются дважды: сначала в философии, а потом в науке.

При этом фундаментальная наука и философия рассматривались как выражение высших творческих возможностей человека, его предельная самореализация. Казалось, что бессмысленно требовать от них непосредственной

В. К. Кантор и В. А. Лекторский в редакции журнала «Вопросы философии». 2005

Сотрудники сектора теории познания ИФ РАН у входа в институт

практической пользы, как и от высокого искусства: оперы, балета, симфонической музыки, живописи, серьезной художественной литературы.

А как это относилось к жизни обычного человека? Казалось бы, никак. Представлялось, что он может жить, не только не интересуясь философией, но и не заморачивая себя вопросами о том, чем занимается наука. К тому же современная наука стала настолько сложной, а ее теории столь труднопони-маемыми даже специалистами, что и при наличии желания в ней разобраться очень непросто.

Но мнение о том, что наука не затрагивает практическую жизнь обычного человека, оказалось глубоко обманчивым. Если это и было справедливо раньше, то сейчас дела обстоят принципиально иначе. Дело в том, что мы живем сегодня в мире, созданном и постоянно трансформируемом наукой. Это связано с тем, что возникла теснейшая связь фундаментальных научных теорий с теориями прикладными. А последние являются базой для создания новых технологий. Это и есть феномен технонауки. Атомная энергетика и ядерное оружие, смартфон, персональный компьютер, интернет, цифровые технологии, возможность работать и получать образование онлайн, автомашины без водителей, операции блокчейн в сфере финансов, «цифровые двойники» в образовании, использование искусственного интеллекта для обработки больших данных и предсказания поведения больших групп населения и т. д. — это

и есть результаты современной науки. Результаты совершенно практические и вроде бы полезные для всех.

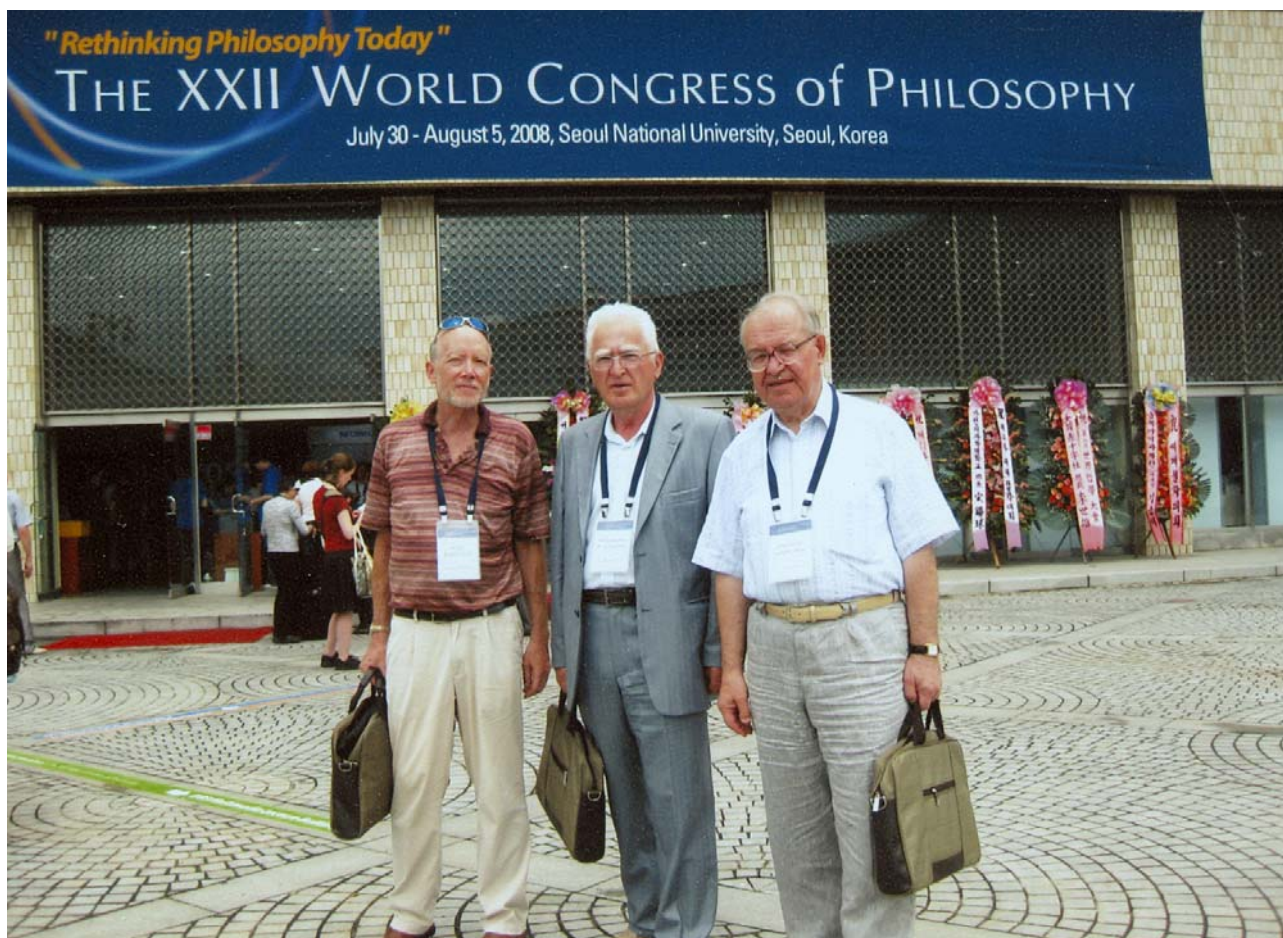
Но давайте разберемся в том, как стали возможны эти достижения. Работы в области атомной энергетики, да и создание ядерного оружия, стали возможны лишь на основе фундаментальной теоретической работы в области атомной физики, куда включается квантовая механика, а острые дискуссии, до сих пор ведущиеся в ней, прямо связаны именно с философским пониманием того, с чем она имеет дело. Глобальная цифровизация, современные информационно-коммуникационные технологии предполагают использование систем искусственного интеллекта, а разработка таких систем не может не касаться того, что есть естественный интеллект, мышление, сознание, то есть тех вопросов, анализом которых философия занимается столетиями.

Но дело не только в этом. Как я сказал, созданный при помощи науки мир информационных технологий и глобальной цифровизации ставит под сомнение возможность для человека придерживаться ряда ценностных установок, которые до недавних пор казались чем-то само собою разумеющимся, но теперь могут не соответствовать новой реальности. Вопрос в том, от каких уста-

Вручение премии имени Г. В. Плеханова на заседании Президиума РАН.
Президент РАН А. М. Сергеев и В. А. Лекторский. 21 июня 2022 года

Томас Рокмор (США), А. А. Гусейнов и В. А. Лекторский (Россия)
на XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле (Южная Корея). 2008

новок придется отказаться, а от каких нельзя ни в коем случае, ибо это будет означать расчеловечивание. Использование технологических нововведений, которые кажутся сугубо полезными и в короткой перспективе таковыми на самом деле являются, могут иметь последствия, которые станут вызовом нашим представлениям о человеке. Таких вызовов много, начиная с того, что взламывается граница частного и публичного пространств, что человек может оказаться не хозяином и даже не партнером систем искусственного интеллекта, а их слугой, что обсуждаются возможности чтения мыслей на основе расшифровки нейродинамического кода, что выдвигаются идеи о понимании свободы воли (а именно на ее основе возможна моральная автономия и ответственное поведение) в качестве иллюзии и т. д. А это и есть глубинные философские проблемы. И они касаются не просто интересов группы любителей мудрости. Речь идет о жизни каждого человека, о судьбе Homo sapiens. Как я уже сказал, сегодня философия, не переставая быть фундаментальной дисциплиной, приобретает важнейшее практическое измерение. Философско-гуманитарная экспертиза новых технологий — веление времени.

Как раз этими вопросами я и занимаюсь последнее время: и лично, и в качестве председателя Научного совета при Президиуме Российской академии наук по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований.

Е. О. Труфанова. Расскажите об этом подробнее, пожалуйста.

В. А. Лекторский. Меня особенно волнуют те вопросы, которые как раз связаны с происходящей антропологической революцией. Это влияние новейших информационно-коммуникационных технологий, глобальной цифровизации на человека, его образ жизни, на возможности сохранения в новых условиях того, что делает его человеком: свобода выбора, моральная автономия, достоинство, творчество, понимание мира и других людей, понимание его другими. Речь идет о том, чтобы новые колоссальные возможности, которые несет цифровизация и использование искусственного интеллекта, не погубили самого человека. Это, конечно, важнейшие вопросы нашей жизни. Я сам исследую эту проблематику, пишу об этом. Эти вопросы мы регулярно обсуждаем на заседаниях Научного совета, о котором я говорил. Не так давно мы провели большую двухдневную конференцию по проблеме доверия к системам искусственного интеллекта, в которой участвовали математики, разработчики систем искусственного интеллекта, психологи, нейрофизиологи, юристы и, конечно, философы, которые задают тон всей работе совета. Именно философские вопросы о доверии и понимании были в центре всех дискуссий. Сегодня это и практические вопросы: необходимо разработать методiku оценки доверия к результатам работы интеллектуальных систем.

Я продолжаю развивать мою эпистемологическую концепцию конструктивного реализма, которая, с одной стороны, является современным продолжением отечественной философской и психологической традиции культурно-деятельностного понимания познания и сознания, а с другой — может быть истолкована как философское осмысление так называемого движения 4E Cognition, которое всё больше набирает популярность в современной когнитивной науке. Я пытаюсь показать, что именно конструктивный реализм является наиболее перспективной стратегией развития когнитивных исследований, в которые включаются философия, разработки в области искусственного интеллекта, когнитивная психология, когнитивная нейронаука, когнитивная лингвистика.

Я обобщил мои исследования последних лет в книге «Человек и культура» (2019), за которую в этом году получил премию имени Г. В. Плеханова Российской академии наук.

Е. О. Труфанова. Вы работаете в Институте философии РАН (раньше это был Институт философии АН СССР) более 60 лет. Как вы оцениваете работу инсти-

тута в советские годы? Что изменилось в нем в постсоветское время? Что приобретено и что потеряно?

В. А. Лекторский. Конечно, сегодня это иной институт, чем тот, в который я пришел в 1957 году. Много в нем изменилось.

В конце 1950-х и в 1960-е годы целый ряд секторов, по сути дела, занимался не философией, а чисто идеологической проблематикой, при этом даже не на уровне разработки идеологии (этого не допускало официальное партийное начальство: идеология спускалась сверху), а в рамках пропаганды официальных установок и их схоластической интерпретации. Это был удел отдела научного коммунизма, секторов исторического материализма, этики, эстетики, научного атеизма. Идеологическим установкам должна была подчиняться и работа других подразделений. Например, подразделение, в котором исследовалась современная западная философия, называлось сектором «критики современной буржуазной философии»: считалось, что современную западную философию нужно не столько изучать, сколько разоблачать. Люди, работавшие в этих секторах, а особенно их заведующие, отличались большими демагогическими способностями, были крикливы и пытались задавать тон в борьбе за «идеологическую дисциплину». Сложнее начальству было с теми подразделениями, в которых исследовалась проблематика познания и науки, а также история философии. Это сектора диалектического материализма, логики, философских проблем естествознания, а также истории западной философии, истории русской философии. Дело в том, что к середине 1950-х годов идеологическому начальству стало ясно, что грубое политическое управление науками — по крайней мере естественными — невозможно и что без развития науки и связанных с нею технологий страна не имеет будущего (в 1970-е годы на одном из съездов партии даже был выдвинут лозунг о соединении социализма с научно-технической революцией). Поэтому считалось, что сектора, занимающиеся проблематикой познания и науки, должны, с одной стороны, исходить из установок марксистской философии (диалектического материализма), а с другой — исследовать реальные философские проблемы, возникающие в современной науке. Был выдвинут лозунг об укреплении союза философов и естествоиспытателей. Что касается секторов, занимавшихся историей философии, то работа в них предполагала специальные умения: знание языков, в том числе древних, и умение работать с текстами. Простые идеологические заклинания тут не давали результата.

Необходимо иметь в виду исключительно важное очистительное значение для всей культурной жизни страны XX съезда КПСС (1956), разоблачившего культ личности Сталина. Возможности для идеологической демагогии не исчезли, но всё же сузились.

В редакции журнала «Вопросы философии»: В. И. Мудрагей, В. А. Лекторский и Б. И. Пружинин

И вот возникло интересное явление. Идеологическая индоктринация не исчезла, официальные учебники по философии продолжали навевать скуку и не вызвали желания серьезно относиться к этой дисциплине. По-прежнему руководили философией догматики. И тем не менее начиная с середины 1950-х годов в нашей философии возникает целое движение, вобравшее в себя интереснейших людей, которые открыли новую проблематику, сформулировали и обосновали идеи, в ряде случаев опередившие западную философию и сохраняющие свое значение и поныне. Я уже называл лидеров этого движения: Э. В. Ильенкова и А. А. Зиновьева. Они, как еретики, были изгнаны с философского факультета МГУ и начали работать в нашем институте. В центре нового движения, которое знаменовало ренессанс советской философии, были проблемы теории познания, философии науки, логики. Вслед за Ильенковым и Зиновьевым в институт пришел целый ряд выпускников МГУ и других учебных заведений, блестящих философов с оригинальными идеями. Они составили костяк секторов диалектического материализма (где я работал), логики, философских проблем естествознания. Назову лишь некоторых из них, моих товарищей: Г. С. Батищев, В. С. Швырев, Е. П. Никитин, Н. Н. Трубников,

В. А. Лекторский. Стамбул (Турция). 2003

В. А. Смирнов, Р. С. Карпинская, И. А. Акчурин, В. В. Казютинский и др. В новое философское движение включились ранее работавшие в этих секторах П. В. Таванец, Д. П. Горский, И. В. Кузнецов, М. Э. Омеляновский, Н. Ф. Овчинников, Ю. В. Сачков и др. В сектор истории западной философии пришли Н. В. Мотрошилова, Э. Ю. Соловьев, А. В. Гулыга.

Именно эти сектора и работавшие в них замечательные люди стали играть роль неформальных лидеров института, а сам он стал в нашей стране центром разработки настоящих философских проблем. Наладились хорошие связи философов с нашими выдающимися естествоиспытателями, институт начал проводить регулярные конференции по философским проблемам естествознания.

Конечно, идеологические препоны не исчезли, и с ними сталкивались даже те, кто исследовал проблемы теории познания и философии науки, более далекие от идеологии, чем социальная философия. Так, например, вся жизнь Ильенкова была сплошной чередой направленных против него идеологических кампаний. Работы ряда моих товарищей (Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова) отказывались публиковать. И тем не менее мы верили в светлое будущее.

Нас вдохновляли те идеи, которые потом были названы «социализмом с человеческим лицом». Я вспоминаю эти годы как время заинтересованного чтения работ друг друга, острых дискуссий, интенсивной духовной жизни, убежденности в том, что настоящая философия, не подвластная политической конъюнктуре, — исключительно важное и нужное дело и что она имеет большое будущее.

К тому же сама ситуация в философии менялась. В конце 1960-х — 1970-е годы к руководству институтом пришли такие замечательные люди, как П. В. Копнин и Б. М. Кедров. Главным редактором основного философского журнала страны «Вопросы философии» стал выдающийся философ И. Т. Фролов, а его заместителем — М. К. Мамардашвили. При Копнине в 1969 году я стал заведующим сектором диалектического материализма (в 1978 году он превратился в сектор теории познания). Фролов ввел меня в редколлегия «Вопросов философии». Копнин и Кедров пытались провести реформы в институте. Фролов превратил журнал в центр притяжения мыслящих людей страны: философов, ученых, деятелей культуры. В институте начинаются попытки обновления той проблематики, которая до этого была полностью идеологизирована. Пришедший к руководству сектором исторического материализма В. Ж. Келле собрал интереснейших людей (В. М. Межуев, Е. Г. Плимак и др.) и выпускал книги, в которых серьезно обсуждались проблемы социальной философии; А. В. Гулыга начал вести семинар, посвященный проблемам исторического познания; новый заведующий сектором критики современной буржуазной философии Л. Н. Митрохин собрал настоящих философов (О. Г. Дробницкий, Б. Т. Григорьян, Н. С. Юлина, Т. В. Кузьмина и др.) и выпустил ряд книг, посвященных серьезному обсуждению современных философских проблем. Однако попытки реформ Копнина и Кедрова не увенчались успехом. Первый из них умер во многом из-за идеологической травли. Фролов был вынужден покинуть пост главного редактора. На наш сектор начались гонения. Книги, выпущенные под редакцией В. Ж. Келле, были официально раскритикованы, а сам он был вынужден уйти из института.

Об истории института, в котором я работаю большую часть жизни, можно говорить долго. Кое-что об этом я смог написать. Попробую сравнить старый и новый институты.

Прежде всего хочу отметить, что сегодня институт занимается серьезными исследованиями настоящей философской тематики в самом широком диапазоне. Появилась новая проблематика, которая была невозможна раньше: политическая философия, философия религии. Сектора социальной философии направляют свои усилия на анализ реальных философских проблем, а не на

обслуживание политической конъюнктуры. Очень интересно работают сектора этики и эстетики. Специалисты в области истории русской философии сделали немало для исследования русской религиозной философской мысли, о чем невозможно было даже думать в былые годы. Новой жизнью живет сектор восточных философий. Интересно работает новый сектор философии исламского мира. Что касается секторов, изучающих познание и науку, то они живут новой жизнью: сегодня анализируемая в них проблематика приобретает особое значение в культуре и социальном мире в связи с интенсивным развитием когнитивных наук, когнитивных и информационных технологий. Наряду с секторами теории познания, логики и философских проблем естествознания появились новые подразделения: сектора социальной эпистемологии, философии творчества, междисциплинарных проблем научно-технического развития, философских проблем социальных и гуманитарных наук, методологии междисциплинарных исследований человека... В институт пришло много интересной талантливой молодежи. Интенсивно развиваются связи института с международным философским сообществом.

Всё это бесспорные и большие достижения. Было ли при этом что-то потеряно?

Мне кажется, что при всех несомненных приобретениях института существует тенденция к некоей разобщенности в работе разных подразделений. Люди работают в них часто замечательно, но иногда как бы замыкаются в своих изысканиях. Как я говорил, в свое время, когда выходила очередная работа Ильенкова, Батищева или Мамардашвили, она становилась предметом дискуссий всех тех, кто был включен в новое философское движение, независимо от того, в каких подразделениях они работали. И мы чувствовали себя частью этого движения, хотя могли быть не согласны друг с другом по каким-то вопросам. Это создавало определенный душевный настрой и особую мотивацию для творчества. Возможно, то явление, о котором я говорю, связано не с особенностями нашего института, а с тем, что сегодня происходит в мировой философии. Дело в том, что она становится всё более специализированной. И для того, чтобы работать на современном уровне, нужно знать последние публикации по своей специальной тематике, а количество последних растет как снежный ком. Но ведь философия по самой своей сути должна быть интегратором знаний и выходить в междисциплинарную проблематику. Думаю, что эта проблема должна и может быть решена. Шаги в этом направлении делаются в последнее время и в нашем институте: организуется взаимодействие разных подразделений, в частности с помощью так называемых мегатем.

Владислав Александрович Лекторский

Хочу сказать, что институт — мой родной дом. В нем прошла вся моя философская жизнь: с радостями и горестями, достижениями и драмами. Сектором теории познания я руководил почти 50 лет: с 1969 по 2016 год. Когда я пытаюсь осмыслить, что со мною было, вспоминаю прежде всего то, что связано с институтом. Я рад, что сегодня нашим сектором успешно руководите вы, Елена Олеговна, в прошлом моя студентка, аспирант, докторант.

Другое жизненно важное для меня место — журнал «Вопросы философии». И. Т. Фролов пригласил меня стать членом редколлегии и заведующим отделом в 1968 году. С 1987 по 2009 год я, не покидая института, был главным редактором журнала, опять-таки по предложению Фролова. Сейчас возглавляю Международный редакционный совет «Вопросов философии». Главным редактором сегодня является Б. И. Пружинин, в прошлом сотрудник сектора теории познания, а потом мой заместитель в журнале. Роль журнала в развитии отечественной философии за последние 60 лет совершенно исключительна. Об этом я писал и писать буду.

Е. О. Труфанова. Помимо научной работы в институте вы много лет преподаете на философском факультете ГАУГН, в последние годы являетесь его дека-

ном. Насколько на вашем опыте меняются поколения студентов-философов? Растет ли интерес молодежи к философии или наоборот?

В. А. Лекторский. Я работаю в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) со времени его основания в 1994 году, то есть почти 30 лет. С самого начала я читал лекции, вел семинары по курсу «Эпистемология» и заведовал кафедрой эпистемологии и логики. С 2016 года я работаю также в качестве декана философского факультета. От преподавания получаю большое удовлетворение. Говорят, если сумеешь что-то хорошо объяснить другому, сам лучше это поймешь. И это правда. Занятия проходят интересно. Студенты с моей помощью вовлекаются в обсуждение эпистемологической проблематики, делают неплохие доклады на семинарах. Каждый год несколько человек пишут под моим руководством курсовые работы, иногда очень хорошие. Так, в этом году студент второго курса написал работу, которая произвела на меня впечатление своим очень высоким уровнем. Современные студенты по подготовке и по интересу к философии не уступают тем, кто учился на факультете 15–20 лет тому назад. Ряд студентов стали моими аспирантами, успешно защитили диссертации. Самое любопытное то, что в наше практическое время количество желающих поступить на философский факультет не становится меньше, наоборот, число их увеличивается с каждым годом. При этом сегодня среди них больше юношей, чем девушек, чего раньше не было. Можно размышлять о том, с чем это связано. Думаю, что одна из причин — в новой роли философии в современном мире, о чем я говорил с вами. Среди сотрудников нынешнего сектора теории познания Института философии трое моих бывших студентов, в том числе вы, Елена Олеговна. Они, а также некоторые другие мои бывшие студенты сегодня успешно преподают на факультете. ГАУГН стал частью моей жизни, как и Институт философии, и журнал «Вопросы философии».

Е. О. Труфанова. Какое место, по вашему мнению, занимает отечественная философия в современном мире? Возможен ли и нужен ли ее диалог с иными философскими традициями и школами?

В. А. Лекторский. Русская философия всегда была самобытной. Но это не означало ее изоляции. Наоборот, в условиях изоляции она (как и любая другая философия) была бы невозможна. Ведь одна из особенностей этой дисциплины в том, что она предполагает постоянную дискуссию, спор, диалог разных позиций. Это может быть спор современников между собой. Это и дискуссия с давно умершими философами: до сих пор продолжаются обсуждения идей Платона и Аристотеля, при этом не только философами, но и, как я уже сказал, даже современными специалистами в области квантовой физики. Наконец,

это диалог представителей разных национальных философских традиций и школ: немец Кант считал, что от догматического сна его пробудили работы англичанина Юма, ответом которому послужила «Критика чистого разума».

В XIX веке русская философия творчески и критически осваивала идеи Платона, Плотина, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, а в XX веке — неокантианцев, Гуссерля, Маха и Маркса. Важно, что при этом русская философия не просто оставалась оригинальной, но могла оказывать существенное влияние на мировую философскую и философско-методологическую мысль. Приведу некоторые примеры.

Ф. М. Достоевский, который отметил «всемирную отзывчивость» в качестве характерной черты русского народа, был одним из первых философов-экзистенциалистов: недаром международные антологии по экзистенциализму обычно начинаются с отрывков из его произведений.

В XX веке эмпириомонист и неортодоксальный марксист А. А. Богданов сформулировал идеи тектологии («всеобщей теории организации»), которые не были поняты при его жизни и получили международное признание в качестве методологии исследования систем лишь в 1970-е годы, когда возникло в мире мощное движение системно-структурных исследований.

Философско-методологические идеи, развивавшиеся М. М. Бахтиным еще в 1920-е годы относительно диалогической природы сознания и культуры, были признаны в нашей стране в 1960-е, а на Западе в 1980-е годы. Сегодня они популярны в философии сознания, теории культуры, гуманитарных науках во всем мире. Существует мощная международная «индустрия Бахтина»: работает Центр Бахтина в Великобритании, издается международный журнал *Bakhtin Studies*.

Философско-методологические идеи великого советского психолога Л. С. Выготского считаются рядом западных философов и психологов поворотным пунктом в развитии мировой психологии, почти каждый современный специалист в области когнитивных наук считает признаком хорошего тона ссылку на его труды.

Я уже говорил о том, что в рамках нового философского движения, возникшего в нашей стране во второй половине XX века, был сформулирован ряд идей в понимании познания, сознания, науки, опередивших некоторые концепции в мировой философской литературе. Я был главным редактором серии книг (22 тома), в которых исследовались эти идеи. По итогам этой работы мы с профессором М. Ф. Быковой, которая преподает в США, подготовили и опубликовали в американском издательстве книгу «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века. Взгляд из России и извне» (*Prob-*

lems and discussions in the Philosophy of Russia in the second half of the 20th century. View from Russian and abroad. Ed. by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Vykova. Bloomsberry Academic, 2019). Книга, написанная как отечественными, так и зарубежными авторами, была хорошо принята специалистами.

Философия по своей сути направлена на решение не просто специфических проблем того или иного региона, той или иной культуры, а тех, которые касаются каждого человека, так как относятся к фундаментальным человеческим характеристикам: в этом отличие философских концепций от социально-экономических программ и геополитических стратегий. Конечно, философские теории развиваются в рамках определенных культур и вносят свой вклад под ракурсом, связанным с той или иной культурной традицией. Но именно поэтому межкультурный диалог и диалог философский — необходимое условие существования философии. Диалог русской философии с иными философскими традициями и школами всегда был плодотворен для всех участников. Он должен продолжаться.

Информация об авторах: В. А. Лекторский — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1;

Е. О. Труфанова — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1.

Information about the authors: V. A. Lektorsky — DSc in Philosophy, Academician of RAS, Principal Research Fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation;

E. O. Trufanova — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.